

UDC 124.2

DOI: 10.30936/2227-7951-2018-10-25-37

Н.М. СМИРНОВА

ПОНЯТИЕ СМЫСЛА В ЗЕРКАЛЕ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИХ ПРАКТИК

***Аннотация:** Предметом статьи является содержательная трансформация понятия смысла в классической, неклассической и (пост)неклассической герменевтике. Обосновано, что содержание понятия смысла относительно к процедурам его рациональной реконструкции. Показано напряженное противоречие между лингвофилософскими представлениями об интерсубъективной функции языка и субъективистской абсолютизацией роли интерпретатора, присущее постструктуралистской философии языка.*

***Abstract:** Intentional transformation of “meaning”-concept in classical, non-classical and (post)non-classical hermeneutics has been examined in this paper. It has been substantiated, that the very content of meaning should be viewed as correlative to its rational reconstruction procedures. Intensive contradiction between intersubjective functions of language, on the one hand, and subjective absolutization of interpreter’s role, on the other, adhered to XX century’s philosophy of language, has also been analyzed.*

***Ключевые слова:** язык, смысл, понимание, герменевтика, конфликт интерпретаций.*

***Keywords:** language, meaning, understanding, hermeneutics, conflict of interpretations.*

***От дисциплинарной герменевтики к философской.** Предметом статьи является не реконструкция герменевтических принципов самих по себе (герменевтической автономии объекта, смысловой связности, контекстуальности, аналогии, герменевтического круга и т.п. пред-понимания и т.п.), хорошо освещенных в философско-методологической литературе, а эволюция имплицитно порождаемого ими понимания смысла и осмысленно-*

Смирнова Наталия Михайловна – доктор философских наук, профессор, руководитель сектора философских проблем творчества, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: nsmirnova17@gmail.com.

сти, соответствующая историческим этапам рациональности в социальном познании. Я постараюсь показать содержание понятия смысла относительно к процедурам его рациональной реконструкции. Иными словами, смысл как идеальная предметность эпистемологии «отсвечивает» разными гранями в зависимости от различных практик истолкования. Он не представлен готовым к рецепции, но текстуально «сокрыт» хитросплетением фраз, тропов, идиом: когда семантическое соответствие знака и объекта установлено, в самих знаках нет следов этой работы. Но используемые процедуры смысловой реконструкции задают определенную оптику видения «образов смысла».

Начнем с различения созерцательного и интерактивного, т.е. коммуникативного подходов в понимании смысла. В первом случае задачей интерпретатора является обнаружить авторский смысл в «чистом виде», во втором смысл предстает как результат виртуального взаимодействия автора и интерпретатора. Подобным «образам смысла» соответствуют представления классической и неклассической герменевтик. «Синтетическая» герменевтика («конфликт интерпретаций» П. Рикера, «пролиферация интерпретаций» Ж. Деррида и т.п.) с отдельными оговорками соотносима с (пост)неклассическим типом герменевтики и рациональности социального познания в целом¹.

Внесем в определение П. Рикера одно важное уточнение: под *философской* герменевтикой будем понимать рефлекссию над анализом проблем интерпретации в рамках «дисциплинарных» герменевтик, будь то филологическая, теологическая, историческая или социальная. Иными словами, философская герменевтика – это герменевтика второго порядка, философско-методологическая рефлексия над истолковательными практиками дисциплинарных герменевтик.

Истоки филологической герменевтики как искусства постижения смыслов мы находим еще в Аристотелевом труде «Об истолковании». Для понимания текста Стагирит полагал необходимым рассматривать логическую структуру суждений. Аристотель ориентирует на рациональное постижение смысла языковых выражений путем исследования взаимоотношений образа, знака и метафорического смысла. Он полагал, что дар создавать хорошие метафоры зависит от способности схватывать сходство в том, что по видимости не сходно, а живость метафоры – от способ-

---

¹ Возьмем за основу определение герменевтики, данное П. Рикером в московских лекциях и интервью 1995 г.: «под герменевтикой я понимаю теорию операций понимания в их соотношении с интерпретацией текстов; слово “герменевтика” означает не что иное, как последовательное осуществление интерпретации» (см.: *Рикер П.* Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. – М.: Академия, 1995. – С. 3).

ности наглядного представления смысла в образах. С точки зрения общей эпистемологии существенно то, что *Hermeneia* Аристотеля имплицитно содержит критику наивного онтологизма смысла как «впечатлений», исходящих от самих вещей.

Средневековая теологическая герменевтика (*exegese*) вдохновляется стремлением к обмирщению сакрально-библейской мудрости в языке мирской повседневности. Интерпретация Слова как онтологической экспликации сакрального языка позволила вычлнить в библейских текстах несколько (минимум два) пластов значений: историко-нарративное и собственно религиозное («духовное»). Подобная смысловая амбивалентность требовала разработки более изощренной теории знака и значения, в первую очередь, концепции символизации, которую мы и обнаруживаем у Августина Блаженного.

В знаменитом труде «О диалектике» (“*Dedialectica*”) Св. Августин изложил точку зрения, согласно которой исток символизации – во множественности смысловых пластов трактуемого текста (исторический, мифологический, религиозный и т.д.). Символ предполагает, что один смысл (явный) отсылает к другому (скрытому, непроявленному). И задача герменевтики – расшифровка символов, «срывание покровов» с неявного и обнаружение скрытых пластов значений, в раскрытии уровней значений, стоящих за очевидным (буквальным) значением. Но приобщение к сокрытым (сакральным) уровням значений требует посвящения в более глубокие пласты знания, нежели открыты обыденному сознанию верующего. Герменевтика Св. Августина элитарна, и уж по одной лишь этой причине едва ли могла бы служить основанием всеобщей философской теории истолкования.

Социальным запросом на дальнейшее развитие дисциплинарных герменевтик послужили культурные вызовы Просвещения и Реформации, пробудившие интерес к античному культурному наследию, с одной стороны, и потребность в протестантском прочтении Библии, с другой. Реформация, инспирировав культурную потребность массового перевода Библии на национальные языки, требовала реконструкции изначально, «примордиального» смысла, обращения к первоисточникам на древнееврейском и арамейском языках, а также и очищения самой («вульгарной») латыни от последующих языковых напластований.

Но перевод текстов со множественными смысловыми пластами «с одной культуры на другую» неизбежно чреват смысловыми сдвигами, референтными смещениями и перекрестной референцией. Ибо любому естественному языку присущи свои глубинные лингво-социальные механизмы порождения смысла, укорененные в привычных способах словоу-

потребления. Естественный язык – неисчерпаемая этимологическая кладовая потенциальных смысловых валентностей. Работа глубинных лингво-социальных механизмов смыслообразования задает *осмысленность* – таинственные семантические корреляции слов и вещей, за которыми, подобно хвосту кометы, отсвечивает интерсубъективными смыслами вся культурная история языкового сообщества.

В ответ на вызовы Реформации и Просвещения дисциплинарные герменевтики развивалась под влиянием двух вышеназванных «велений времени»: защиты реформационного (протестантского) толкования Библии от традиционной католической догматики (*germeneutica sacra*), с одной стороны, и устремлений гуманистов к адекватному прочтению великого античного литературного наследия (*germeneutica profana*), с другой.

Подчеркну еще раз, что в своих истоках теологическая герменевтика Реформации и филологическая герменевтика (Ф.А. Вольф, Ф. Аст) – изначально представляли собою различные типы дисциплинарных герменевтик, относящихся к различным предметным областям духовной деятельности: первая развивалась в рамках теологии, вторая – логики и риторики. Но благодаря деятельным усилиям М. Лютера и Ф. Меланхтона, гуманистические настроения постепенно сближалась с реформационными устремлениями и, взаимно усиливая друг друга, совместно работали на становление собственно философской герменевтики – разделение герменевтики на филологическую и теологическую постепенно утрачивает былое значение. Философская классическая герменевтика сформировалась в результате когнитивного синтеза филологической и теологической герменевтик под влиянием усмотрения общности целей, задач и содержания их интерпретативных процедур.

Философская герменевтика отмечена печатью всеобщности. Она не усматривает принципиальных различий в процедурах интерпретации «сакрального» и «профанного»: ее принципы и приемы равно применимы как к «земному», так и «небесному», подобно тому, как «земная» и небесная механика впоследствии слились в единую науку. Так что зарождение собственно *философской* герменевтики, обладающей атрибутом философской всеобщности, следует связывать с освобождением наработанных практик истолкования от привязки к язычески-мифологическому и монологически-догматическому контекстам.

Философская герменевтика есть герменевтика второго порядка – методологическая рефлексия над истолковательными правилами дисциплинарных герменевтик. Но результат когнитивного синтеза всегда больше суммы частей. Философская герменевтика устанавливает связь правил и процедур истолкования с общими проблемами языка и мышления

и – шире – типом рациональности в социальном познании. Свод этих правил (герменевтической автономии объекта, смысловой связности, контекстуальности, аналогии, герменевтического круга и т.п.) и составил ядро классической философской герменевтики, основателем которой принято считать протестантского теолога Ф. Шлейермахера.

Классическая философская герменевтика Ф. Шлейермахера. Для нее существенно то, что в ее рамках понятию смысла, равно как и любому объекту классической эпистемологии, присущ созерцательный характер. Смысл предстает чем-то вроде вложенной автором в текст идеальной книжной закладки (*resperse*). Его реконструкция идентифицируется со схватыванием потаенного замысла автора, – того смысла, что «вложен» автором в писанный текст. В соответствии с канонem *mens dicentis*: искомый смысл нельзя вложить в смылосодержащую форму – он должен быть извлечен из этой формы. Принцип герменевтической автономии объекта устанавливал соответствие смысла, извлеченного из текста, интенциям формообразующей воли в процессе словесного творчества.

Канон целостности, или смысловой связности герменевтического рассмотрения (соотнесении элементов с целым, частями которого они являются), Ф. Шлейермахер отстаивал наиболее энергично. Но эту целостность можно понимать и более широко: как целостность культуры, к которой принадлежит рассматриваемое произведение, – момент формообразующей деятельности «духа культуры».

В попытках ответить на этот вопрос, как применялись правила автономии объекта и герменевтической целостности, мы сталкиваемся с любопытной ситуацией. Дело в том, что сакральные тексты обладают высокой символической насыщенностью, и потому их смысл не лежит на поверхности. Парадокс, однако, заключается в том, что протестантские интенции М. Лютера со свойственным ему устремлением ограничить посредническую роль церкви в религиозной жизни, породили его убеждение, что Священное Писание, за исключением аллегорических включений, т.е. притч, постижимо через самое себя, и потому не требует истолкования.

Тем не менее, убеждение М. Лютера в изначально достаточной смысловой прозрачности священных текстов не устраняло практических проблем их истолкования. Важнейшая из них – «петля обратной связи», известная еще со времен античности под названием «герменевтического круга». Двигаясь в герменевтическом круге, интерпретатор на новом витке возвращается к ранее уже осмысленному содержанию и сверяет свои предположения с тем, что обнаружил в ходе последующей работы.

В духе классической герменевтики Ф. Шлейермахер и его последователи переносят принцип «герменевтического круга» на процедуру по-

нимания как всеобщий принцип интерпретации текстов — как светских, так и библейских. С его помощью удастся решить задачу философско-методологического характера — достижение понимания посредством правил грамматического и психологического истолкования, лишенных содержательной привязки как к церковной (протестантской) догматике, так и к определенному национальному языку.

Необходимость следовать всеобщим рациональным правилам, с одной стороны, и нацеленность на реконструкцию индивидуальных психологических интенций автора, с другой, подобны головам геральдических орлов, устремленных в разные стороны. Расходящиеся векторы этих устремлений обусловили известную амбивалентность классической философской герменевтики и обусловили двойственность понимания смысла в классической философской герменевтике (с одной стороны, это intersубъективный смысл, доступный пониманию всех, но, с другой, — это индивидуальная психологическая интенция говорящего и/или пишущего).

Классическая герменевтика нацелена, главным образом, на реконструкцию «сокрытого смысла» — единственного, присущего авторской интенции. В амбивалентности грамматических и психологических интенций чаша весов все более склоняется в пользу последних: эволюция классической герменевтики именно их выдвигает на первый план, оттесняя ранее доминировавшие грамматические. На это обстоятельство, в частности, указывает Г. Гадамер, имея в виду рукописи Ф. Шлейермахера 1819 г., а также конспекты семинарских занятий в последнее десятилетие его жизни². Для нас же важно, что психологическая интерпретация герменевтики обусловила усмотрение «истинного смысла» как единственно возможного — интенционально обусловленного личностью автора-творца, свободного от «замутняющих» интерпретаций читателя. В таком понимании существа герменевтических установок нетрудно усмотреть отблеск классически-рационалистического идеала объективности знания как «очищения» его от всех характеристик когнитивной деятельности субъекта.

«Герменевтика жизни» Дильтея. Заданный поздними работами Ф. Шлейермахера субъективно-психологический крен в интерпретации смысла достигает апогея в «герменевтике жизни» В. Дильтея. Представитель «философии жизни» полагал, что методология Нового времени основана на изжитой метафизической предпосылке — картезиански-дуалистическом разделении тела и духа. Поэтому, а также в соответствии с антиметафизическим пафосом философии того времени (императива деск-

---

² См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Пер. с нем., общ. ред. Б.Н. Бессонова. — М.: Прогресс, 1988. — С. 243, 665 (прим. 20).

риптивности «наук о духе»), его интуитивистская герменевтика покоится на фундаменте описательной психологии, укореняющей смысл в «жизни» человеческого духа.

Онтологической импликацией психологической герменевтики Дильтея становится «сама жизнь», пребывающая «по ту сторону» дихотомии духовного и телесного, Бытия и Понятия. Понять — значит пережить лично, выявить жизненную связь понимаемого с совокупным личным опытом человека — системой его жизненных смыслов. В социально-антропологическом смысле понимание — духовная «сборка» сознания, опыт персональной идентификации. В своих высших формах обыденное понимание, по В. Дильтею, возвышается до уровня специализированного искусства интерпретации.

Хотя интуитивистская герменевтика В. Дильтея и может быть понята как продолжение субъективно-психологических интенций «позднего» Ф. Шлейермахера, различий между ними куда больше, чем сходства. Сравнимая философскую герменевтику В. Дильтея и Ф. Шлейермахера, подчеркнем, что в рамках дильтеевской интуитивистской герменевтики «понимание» окончательно утрачивает общезначимый (интерсубъективный) и обретает сугубо личностный смысл — трактовка, в направлении которой, как отмечено выше, исторически эволюционировала и шлейермахеровская классическая герменевтика. Но В. Дильтей смещает когнитивный акцент с интенции читающего на интенцию живущего (пере-живающего). А потому поиск единственно верного смысла изначально обречен на неудачу: мы все понимаем по-разному, убежден В. Дильтей, — если вообще понимаем.

Есть и другое отличие, вытекающее из первого. В рамках интуитивистской «герменевтики жизни» (жизни как текста) бессмысленно говорить о достижении «единственно верного» понимания «на все времена». Ведь с каждым последующим когнитивным усилием оно обнаруживает все новые горизонты жизненных переживаний³. Горизонт жизненных смыслов человека — в постоянном изменении и ре-интерпретации: он постоянно обогащается все новыми коннотациями — как под влиянием новых переживаний, так и вследствие обретения более объемной оптики исторического видения — «Критики исторического разума» (В. Дильтей).

Неклассический подход к понятию смысла. Данный подход исторически связан с именем Х.-Г. Гадамера⁴. В рамках неклассической герменев-

---

³ Впоследствии идея безграничного расширения смысловых пространств воплотились в феноменологии Э. Гуссерля в понятии интенционального горизонта сознания.

⁴ *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики / Пер. с нем., общ.ред. Б.Н. Бессонова. — М.: Прогресс, 1988. — 704 с.

тики смысл не есть идеальный объект, изначально «встроенный» в текст авторским замыслом, первозданная чистота которого подлечит герменевтическому «расколдованию», — исследование смысла погружено в контекст коммуникативной парадигмы и изначально философски нагружено коммуникативными смыслами. Авторский смысл — это идеальный объект, подлежащий реконструкции интерпретатором путем возвратного движения от результата, выраженного в тексте, к авторской интенции его порождения путем виртуального диалога. Интерпретатор, опираясь на собственный жизненный опыт и категории мышления своего времени (универсалии культуры), мысленно воссоздает авторский творческий процесс, свивая петлю обратной связи в сфере собственного духовного опыта. Иными словами, интерпретация авторского текста необходимо включает в себя самоинтерпретацию интерпретатора.

Таким образом, в неклассической герменевтике Г. Гадамера смысл является «дважды рожденным», продуктом активного когнитивного взаимодействия интерпретатора и творца. Искру смысла высекает когнитивное усилие интерпретатора, вступающего в виртуальный диалог с автором-творцом и вовлекающего глубинные пласты человеческого сознания. Позиция интерпретатора не является чисто рецептивной — она предполагает *повторное смысловое со-конституирование*. Выражаясь современным IT-языком, интерфейс творца и чтеца — вот подлинный локус рождения нового смысла. Язык — кладезь кристаллизованных значений и, пользуясь привычными словами, мы постоянно привносим новые значения, готовые кристаллизоваться в естественном языке и культуре.

Читатель — сообразно содержанию культурных универсалий своего времени — извлекает из текста более емкий смысл, чем тот, что изначально полагал сам автор. Так мы читаем великие тексты культуры, смысл которых «взрослеет» вместе с культурным сообществом. Эволюция их смыслового содержания обусловлена социально-историческими мутациями универсалий культуры поколений читателей.

Но виртуальное общение автора-читателя складывается не только на основе интересубъективного опыта, но и в соответствии с личной биографически-детерминированной ситуацией: опытом проживания жизни, кристаллизованном в системе субъективных значений. Поэтому мы и впрямь понимаем по-разному, солидарен с В. Дильтеем Г. Гадамер, — если вообще понимаем. Однако, в отличие от интуитивистской герменевтики, вариативность понимания Г. Гадамера заключена не в уникальности индивидуально-психологического переживания жизни, а в духовном своеобразии паттернов культурного диалога читателя и творца. И результат их виртуального диалога не предсказуем в принципе. Искру смысла высека-

ет взаимодействие двух сознаний, вовлекающих глубинные пласты аффективно-эмоциональных структур, вербально-смысловых ассоциаций.

И процесс этот не поддается рациональной реконструкции в полном объеме. А потому главной задачей философа-герменевтика в методологическом сопровождении процессов интерпретации, полагает Г. Гадамер, является *изучение условий, способствующих возникновению понимания, его культурные, социальные и деятельностные предпосылки*. В их числе – исторические обстоятельства, духовная атмосфера времени, его историческое априори и когнитивные «предрассудки»⁵ – коллективное бессознательное (К.Г. Юнг), географические, этнические и социальные опосредования. Подобная установка созвучна идеалам и нормам неклассической рациональности с присущей ей рефлексивностью в отношении опосредующего влияния на результаты познания операций и средств когнитивной деятельности. Однако сам процесс понимания, психологически манифестируемый заметными сдвигами в смысловой структуре сознания, таинственен и непредсказуем, как сама жизнь.

Постнеклассическая герменевтика. Ярчайший представитель (пост-)неклассической герменевтики П. Рикер характеризует свою программную установку как «прививку герменевтической проблематики к феноменологическому методу»⁶. С этой целью П. Рикер возвращает герменевтику из области хайдеггеровской онтологии *Dasein* в сферу семантического анализа процессов интерпретации. Его цель – создать синтетическую схему любой герменевтики на основе синтеза феноменологии, структурной лингвистики и психоанализа. «Рефлексивная философия, феноменология и герменевтика – три тенденции в развитии философской мысли, последователем которых я себя считаю»⁷, – утверждает он.

«Рефлексивная философия» – не только неокантианство, но и любая «философия субъекта» – привлекала П. Рикера заостренностью на проблеме когнитивного самосознания познающего. Лишь рефлексивный анализ, т.е. работа в логике возможного, узаконивает семантику двойного смысла – главную ось герменевтического поля исследования. Постановка семантики во главу угла герменевтического анализа позволяет подойти к исследованию значений без риска отделить понятие истины от метода, убежден П. Рикер.

---

⁵ Замечу, что Г. Гадамер освобождает понятие предрассудка от приписанных ему Просвещением негативных коннотаций и сближает его с «предпониманием».

⁶ Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике: Пер. И. Сергеевой. – М.: Медиум, 1995. – С. 3.

⁷ Там же. – С. 7.

Общим элементом любой герменевтики, ее семантическим ядром — от экзегезы до психоанализа, — является, по П. Рикеру, определенная двойственная («дву-осмысленная») конструкция смысла. Ее роль состоит в том, чтобы «показывать, скрывая»⁸ в семантике показанного-скрытого. «Я называю символом всякую структуру значения, где один смысл — прямой, первичный, буквальный, означает одновременно и другой смысл, косвенный, вторичный, иносказательный, который может быть понят лишь через первый»⁹. Работа с двойственным смыслом, по П. Рикеру, составляет сущность герменевтической практики.

В соответствии с таким пониманием целей и задач герменевтики, понятие интерпретации предстает как работа по проявлению сокрытого смысла. «Интерпретация, скажем мы, это работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении»¹⁰. Интерпретация, по П. Рикеру, — это работа с множественным смыслом. Смысл и интерпретация — понятия соотносительные: интерпретировать — значит понимать знаковую форму как воплощенную множественность смыслов.

Воздавая дань кантианскому анализу когнитивных структур сознания трансцендентального субъекта, П. Рикер решительно отвергает идею абсолютной прозрачности самосознания и полноты саморефлексии в отношении субъекта эмпирического. Это (а также влияние на него Р. Дальбьеца) приводит его к осознанию важности того, что одной лишь семантики для философского обоснования герменевтики недостаточно. Семантический план, по П. Рикеру, должен быть дополнен моментом *само-понимания*.

Однако рефлекслирующий субъект само-понимания не является трансцендентальным: он живет в бытии, мыслит, чувствует, переживает. Следовательно, сам язык — «дом бытия» — требует соотнесения с человеческой экзистенцией. Это обращает Рикера к эвристическому потенциалу психоанализа — важнейшего источника его постструктуралистской герменевтики. Ибо техника психоанализа, основанная на презумпции, что бессознательное структурировано как язык, целиком работает в сфере естественного языка. Психоанализ имеет дело с объектом познания, не данным непосредственно, на манер писанных текстов. Его реальность — замещенные желания, вытесненные влечения и т.п. — ускользающая,

---

⁸ Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике: Пер. И. Сергеевой. — М.: Медиум, 1995. — С. 17.

⁹ Там же. — С. 18.

¹⁰ Там же.

скрытая, непроявленная. Но в той мере, в какой психоаналитическая рефлексия способна «выговаривать умолчания» вытесненных желаний, символ сна, оговорки, мифов она может быть использована как инструмент расшифровки скрытого (непроявленного) смысла. Психоаналитическая герменевтика обращена к игре двойного смысла, смысла отсроченного, замещенного, перемещенного, зашифрованного. Объект психоанализа расположен в поле смысла, а предмет — это деятельность искажения, протекающая в нем.

П. Рикер стремится превзойти структуралистские установки изучения языка как застывшей структуры, закрытых схем и таксономической систематизации, выражающих приоритет «моментального снимка» языка над его историей¹¹. Поэтому третьим компонентом рикеровской «синтетической» герменевтики является концепция порождающих грамматик Н. Хомского — *постструктуралистская лингвистика*.

П. Рикер опирается на важнейшее положение генеративной грамматики Н. Хомского, чтобы понять, как работает «живой» язык с его свободной комбинаторикой и генерированием. А для этого мы должны принять во внимание его иерархическое строение. Подлинно фундаментальное понимание языка, убежден П. Рикер, предполагает осознание его как иерархии уровней. При этом переход к новой единице дискурса (фразы или высказывания) представляет собой разрыв, мутацию в иерархии уровней¹². Это, в частности, означает, что представление о том, что хорошо изложенный текст имеет лишь одну «правильную» интерпретацию (и множество неправильных) не соответствует современному уровню развития философской герменевтики.

Опыт структурализма в его постструктуралистской интерпретации учит, что двойственность смысла заключена в его амбивалентной природе: внутреннем различии означающего и означаемого (места во внутренней системе языка как упорядоченной структуры) и внешнем: как соответствие знака и вещи. Так в концепции П. Рикера сочленены структурирующая инвентаризация и постструктуралистская импровизация. Смысл подобен двуликтому Янусу, обращенному как на свой собственный мир языковых значений, так и на жизненный мир человека, в котором он живет и действует. В свою очередь, интерсубъективное содержание жизненного мира детерминировано наличными универсалиями культуры. Последние создают интерсубъективный контекст смысловых содержаний,

---

¹¹ Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике: Пер. И. Сергеевой. — М.: Медиум, 1995. — С. 126.

¹² Там же. — С. 124.

полагающий предел чрезмерной зависимости содержания интерпретации от конкретного интерпретатора — будь то «пролиферация интерпретаций» Ж. Деррида или «конфликт интерпретаций» самого П. Рикера. Таков предварительный итог схематизации когнитивных метаморфоз смысла в исторических типах герменевтик.

Ю.М. Лотман замечал, что в художественном тексте, да и в обыденной речи, слово, наряду со своим интересубъективным словарным значением, выполняет и роль местоимения для еще не выявленного содержания. Это содержание (открытый горизонт значений, по Э. Гуссерлю) конституируется из их связей. В современном философском дискурсе тезис о роли этих связей — операции предикации в процессах интерпретации — обретает дальнейшее углубление и обоснование в трудах А.В. Смирнова. Определяя осмысленность как установление (выявление, прочувствование, экспликацию в языке) связности текста, он подчеркивает многоаспектность самой этой связности. Подобная многоаспектность коренится в предикации, способе связи субъекта и объекта. «И самое интересное, — отмечает он, — что эта связь может быть устроена по-разному, причем по-разному на самом глубинном уровне»¹³. Поэтому спрашивать, что «на самом деле» означает данный текст, данная субъект-предикатная конструкция, убежден он, — бессмысленно. В многообразии характера этой предикативной связи — исток многообразия и возможного конфликта интерпретаций.

Заклучая, можно констатировать, что понятие смысла относится к типу герменевтических практик и — шире — к типу рациональности в социальном познании. Само понятие, его полнота, единственность или множественность (вариативность), а также и способы его реконструкции «заданы» рамками превалирующего типа рациональности в социальном познании и герменевтической практике. А потому философское исследование смысла — важнейший путь самопознания человека и его культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Пер. с нем., общ. ред. Б.Н. Бессонова. — М.: Прогресс, 1988. — 704 с.
2. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. — М.: Академия, 1995. — 159 с.
3. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике: Пер. И. Сергеевой. — М.: Медиум, 1995. — 412 с.
4. Смирнов А.В. Анатомия текста: как работает сознание // Анатомия философии: как работает текст / Сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. — М.: Изд. Дом ЯСК, 2016. — С. 29-58.

---

¹³ Смирнов А.В. Анатомия текста: как работает сознание // Анатомия философии: как работает текст / Сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. — М.: Изд. Дом ЯСК, 2016. — С. 30.

5. Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли: Пер. с англ. Б.П. Нарумова. — М.: КомКнига, 2005. — 232 с.

BIBLIOGRAPHY

1. Gadamer Kh.-G. Istina i metod. Osnovy filosofskoy hermenevtiki / Per. s nem., obshch. red. B.N. Bessonova. — М.: Progress, 1988. — 704 s.
2. Riker P. Hermenevtika. Etika. Politika. Moskovskie lektsii i intervyyu. — М.: Akademiya, 1995. — 159 s.
3. Riker P. Konflikt interpretatsiy. Ocherki o hermenevtike: Per. I. Sergeevoy. — М.: Medium, 1995. — 412 s.
4. Smirnov A.V. Anatomiya teksta: kak rabotaet soznanie // Anatomiya filosofii: kak rabotaet tekst / Sost. i otv. red. Yu.V. Sineokaya. — М.: Izd. Dom YaSK, 2016. — S. 29-58.
5. Khomskiy N. Kartezianskaya lingvistika. Glava iz istorii ratsionalisticheskoy mysli: Per. s angl. B.P. Narumova. — М.: KomKniga, 2005. — 232 s.

Поступила в редакцию 20.03.2018 г.